Украинцы, евреи и другие. Жизнь сложнее исторической памяти

Зачем евреи Киева переводили Рамбама на рутенский язык, как еврейская элита Речи Посполитой вытесняла соплеменников из городов, и почему ощущение общей судьбы возникло у евреев и украинцев только сегодня — в интервью с д-ром Еврейского университета в Иерусалиме, приглашенным лектором магистерской программы по иудаике НаУКМА Юдит Калик.

— Юдит, можно ли назвать историю развития украинско-еврейских взаимоотношений уникальной — ведь в ней всегда был третий лишний — поляки. Воспринимали ли украинцы евреев исключительно как польских приспешников?

— Проблема в том, что и украинцы, и евреи не имели ни малейшего шанса стать частью правящего класса. Отсюда и специфика их взаимоотношений.

Украинцы не были меньшинством в буквальном смысле этого слова, но и титульной нацией (со всеми вытекающими отсюда правами) не являлись, постоянно пребывая под чужой властью — польской короны или российской. Поэтому евреи и относились к ним с меньшим пиететом, чем к полякам. Такое же отношение было и к православной церкви, которая (в отличие от католической) не символизировала власть, хотя большинство населения было как раз православным.

И украинцы, и евреи не имели ни малейшего шанса стать частью правящего класса. Отсюда и специфика их взаимоотношений

Евреи во многих странах были частью многонационального общества, но Украина, действительно, особый случай — здесь евреи имели дело с демографическим большинством, не имевшим своего государства — украинцами — и меньшинством — поляками, обладавшим всей полнотой власти.

«В корчме на Подолье», худ. Ян Мошковский *Польский еврей в традиционной оде*же

Впрочем, основная масса еврейского населения обитала в других регионах Украины — Волыни и Галиции, не испытавших травмы польской колонизации, и эти евреи появились там вовсе не в обозе польских магнатов.

— А что конкретно известно об украинско-еврейских контактах до Нового времени?

— По меньшей мере, в X веке в Киевской Руси уже существовала еврейская община, и она не была ашкеназской. Речь, по-видимому, идет о ханаанских евреях, говоривших на славянских языках, а не на идише, который еще не сформировался. Есть множество разрозненных упоминаний об этих евреях — в респонсах, в дневниках путешественников, в нееврейских источниках. «Я удивился, — пишет еврей из Византии, — встретив соплеменника в Киевской Руси, не знавшего других языков, кроме славянского».

Община эта просуществовала минимум до XV века, и позднейшие свидетельства о ней связаны с огромным корпусом переводов еврейских классических источников на рутенский язык (послуживший основой современных украинского и белорусского) — официальный язык Великого княжества Литовского. Именно на этот язык в конце XV века евреи Киева

перевели множество сакральных текстов, например, труды Рамбама или «Шестокрыл» Иммануэля Бонфиса из Тараскона. Переводы эти сделаны евреями, прекрасно владевшими славянскими языками, и явно не ашкеназами (для которых идиш уже был главным языком общения). Зачем был проделан этот титанический труд? Удовлетворительного ответа на этот вопрос до сих пор нет. Предположение о том, что переводы предназначались для еврейских женщин, не владевших ивритом, выглядит странно — женщины не изучали Рамбама.

Этот период вообще плохо исследован, ведь вскоре произошла встреча с соплеменниками-ашкеназами, и славянские евреи быстро ассимилировались в более сильной еврейской традиции.

— Да и период польской колонизации, наверняка, полон мифов и стереотипов о специфике еврейской жизни на Украине…

— Стереотипов, действительно, много. Мало кто знает, например, что евреи в XVII — XVIII веках перестают заниматься ростовщичеством и, наоборот, берут взаймы у церкви — по сути крупнейшего банкира того времени. В Риме еще в 1606 году Папский престол основал Банк Святого духа, замаскированный под благотворительную организацию.

Традицию, согласно которой церковь не может давать взаймы под процент, обходили при помощи механизма widerkauf (выкуп, — нем.), когда залогом служило, например, здание синагоги. Беря в долг, община как бы продавала синагогу и начинала арендовать ее у церкви, а стоимость аренды приравнивалась к процентам по ссуде. У церкви был излишек наличных, она заставляла деньги работать, но евреям это было тоже выгодно, поскольку инфляция опережала выплату процентов по ссуде. Тем не менее еврейские общины должны были церкви сотни тысяч злотых — это факт, известный исследователям, но не широкому читателю, перед которым стоит образ скаредного еврея-ростовщика.

Далек от действительности и вечный образ униженных и оскорбленных. Евреи чувствовали себя весьма уверенно на восточных территориях Речи Посполитой — на Украине и в Белоруссии. Православный епископ Георгий Конисский описывает, как евреи врываются с казаками магната в усадьбу священника и избивают его по подозрению в том, что он гонит самогон,

нарушая монополию магната на винокурение. Мы привыкли думать, что если кого-то бьют, то непременно еврея, а не наоборот. Но подобных инцидентов были сотни — из них во многом была соткана ткань *повседневной* жизни, которая, безусловно, отличалась от эпохи кризисов — той же Хмельнитчины или Колиивщины.

Образ униженных и оскорбленных евреев на восточных территориях Речи Посполитой весьма далек от действительности

Стереотипом являются и наши представления о непобедимых еврейских мозгах, которые всегда одерживают верх в конкурентной борьбе. Жизнь была намного сложнее, поскольку в городах евреи не могли наравне конкурировать с христианами, на чьей стороне был закон. Поэтому они искали новые сферы применения своим способностям или продолжали заниматься привычным ремеслом, но на новом месте — так начался исход в сельскую местность, на что не решались горожане-поляки, поскольку это грозило им потерей статуса. В королевских городах евреев-корчмарей можно было по пальцам пересчитать, они оседали в основном в деревнях, где не было конкуренции.

По этой же причине — не выдержав конкуренции со стороны церкви — евреи перестают заниматься ростовщичеством.

— Другими словами, такое атипичное для евреев Европы явление, как исход из крупных королевских городов и феномен штетла, обусловлено конкурентной борьбой с христианами?

— В первую очередь это связано с усилением магнатов, которые становятся доминантной силой в Речи Посполитой. Они заинтересованы в основании собственных городов и городков, призывают в них евреев и дают им Привилегии, причем, частная Привилегия давала евреям гораздо больше прав, чем королевская. Это касалось и сферы безопасности, и свободы

вероисповедания, что во многом и привело к появлению штетла.

Нельзя забывать и о внутренней еврейской конкуренции, которая тоже способствует исходу евреев из крупных городов. Недаром все главные центры — Люблин, Краков, Познань и др. — имели пригородные еврейские общины, состоявшие из соплеменников, которых городская община вытеснила из своих пределов.

На эти пригородные общины ложилось основное бремя внутренних еврейских налогов, от которых более мощная община (например, в Люблине) себя освобождала. Водораздел проходил ведь не только между несчастными евреями и жестокосердными гоями — самая жестокая конкуренция шла между самими евреями.

> ***Водораздел проходил не только между несчастными евреями и жестокосердными гоями — самая жестокая конкуренция шла между самими евреями***

Поэтому идет постоянная миграция из города в деревни, из королевских городов в штетлы, с запада Польши — на восток страны.

— Какова была социальная структура самого штетла? Не романтизируем ли мы его?

— Безусловно, очень часто он превращается в символ утраченной еврейской идиллии. Хотя, надо понимать, что в массовом сознании классический штетл помещен в контекст XIX века — а это период его упадка. Процветание раннего штетла базировалось на мощи Речи Посполитой и силе польских магнатов — в эту эпоху евреям там было очень выгодно жить. В России же после первого, а особенно после второго польского восстания, — штетл уже не тот, но евреи не могут его покинуть — введена черта оседлости. Об этом,

позднем штетле в границах Российской империи, который становится ловушкой, где идет процесс обнищания еврейского населения, — мы знаем довольно много и именно его почему-то романтизируем.

Тем не менее при всей романтизации нельзя отрицать, что именно в штетле была, как нигде, развита общинная социальная сеть. Благотворительность и заповедь цдаки всегда составляли весомую часть отношений евреев со Всевышним — на этом держались общины.

Синагога в Болехове

Христианские авторы часто упрекают соплеменников, мол, наши бедняки идут к евреям просить милостыню — до чего мы дошли, насколько у евреев это хорошо продумано — и опека сирот, и дома престарелых, и больницы для неимущих…

— Известны ли примеры украинско-еврейского сближения в этот период?

— Их много, причем на разных уровнях — от деловых отношений до личных связей. Достаточно почитать воспоминания Бера из Болехова, которого

обвинили в чеканке фальшивой монеты, заключили в тюрьму, и именно монахи-кармелиты его оттуда вызволили, по сути, взяв вину на себя.

Иногда церковь выступала даже в роли заступника, когда, например, разрешала иметь деревенской общине свиток Торы — чему противилась еврейская община города, поскольку это означало отделение сельской общины от городской.

Самые близкие связи существовали на уровне домашней прислуги — в период бедствий слуги часто следовали за своими еврейскими хозяевами, эти люди знали основы галахи, говорили на идише. Штетл представлял собой самодостаточную структуру с еврейским большинством, но в деревнях контакты были очень интенсивны.

Вообще, еврейские историографы любят цитировать Тору: «Ам левадад йишкон увагоим ло йитхашав» («Евреи — народ отделенный и с народами мира не смешивается»). Этот имидж имеет под собой основания — границы, разумеется, существовали, но они были не столь незыблемы, как нам сегодня представляется.

Например, считается, что евреи практически не владели местными языками, но это миф. Не только владели, говорили, читали и писали, но и делали это весьма неплохо. Просто знание «гойского» языка еще не было частью культурного идеала, как в эпоху Просвещения. Но Бер из Болехова хорошо знал и польский, и украинский, да и Натан Ганновер цитирует польские хроники. Мы забываем, что меньшинство знает о большинстве всегда больше, чем наоборот, — по-другому и быть не может.

Поэтому, с одной стороны, евреи вовсе не были изолированы, с другой — в Украине к ним существовал особый интерес — иудеи являлись элементом межхристианского теологического спора. О том, например, как надо причащаться, — на хлебе (как православные) или на опресноках, т.е. маце (как это практикуется у католиков). Это возвращало к спору о том, являлась ли Тайная вечеря пасхальным седером или нет. На самом деле христиане всех обрядов знали еврейские религиозные практики лучше, чем нам кажется.

Разумеется, были трения — и религиозные, и экономические. Не только потому, что украинцы видели в евреях приспешников поляков, но и сами евреи рассматривали себя как часть польского государства, их патриотизм

был польским патриотизмом, это отлично просматривается у Натана Ганновера.

«На ярмарке», гравюра, XIX век

— Насколько такие трагические для евреев страницы истории, как в осстание Хмельницкого или Колиивщина, вписываются в общий контекст отношения к евреям в Восточной Европе?

— В том-то и дело, что не вписываются, поэтому вспышка насилия и стала такой травмой **—** это перелом в украинской истории. А для евреев наиболее трагическое воспоминание о той эпохе стало самым ярким **—** это естественно. Историческая память гораздо шире, чем историческая действительность, не надо только забывать, что повседневность часто выглядела совсем по-другому.

— Можно ли проследить некую трансформацию украинско-еврейских отношений на протяжении веков? Ведь, с одной стороны, у угнетенных народов должны быть общие цели, с другой — меньшинство всегда ориентируется на центральную власть, и это одно из главных обвинений евреям сторонников украинского национального проекта.

— Восстание Хмельницкого стало вспышкой, пробудившей национальное самосознание, **—** евреи начинают видеть в украинцах отдельный народ, с

которым надо выстраивать отношения. В Левобережной Украине иная ситуация — там при Гетманщине сложилась общность украинских и еврейских интересов. Гетманы и украинская шляхта обычно противились указам об изгнании евреев в XVIII веке и добивались разрешения на их возвращение.

Сохранились свидетельства о евреях-казаках — в том числе и в раввинских респонсах. Часть евреев отождествляла себя с украинским преднационализмом — это исторический факт. По другую сторону баррикад шли аналогичные процессы — например, командир еврейского полка легкой кавалерии Берек Йоселевич видел себя польским патриотом.

> ***Разумеется, евреи, как любое меньшинство, ориентировались на власть. И если эта власть пребывала в конфликте с украинцами, то понятно, на чьей стороне оказывались евреи***

Разумеется, евреи в целом, как любое меньшинство, ориентировались на власть. И если эта власть пребывала в конфликте с украинцами, то понятно, на чьей стороне оказывались евреи

Этим объясняется и слабая аккультурация евреев в украинскую культуру в более поздний период. Они интегрировались в русскую, польскую, австрийскую — то есть доминантные культуры. Украины еще просто нет на политической карте мира, когда евреи становятся патриотами национальных государств, — в этом особенность украинско-еврейских отношений.

— Казалось бы, на этом фоне должно возникнуть некое ощущение общности судьбы, коль речь идет о народах без своей страны…

— Оно не возникает, и это интересная проблема. Когда поляки теряют свою

независимость, то ощущение общности судьбы с евреями весьма заметно. Между вторым и третьим разделом Польши магнаты заказали ряду выдающихся философов того времени трактаты о том, что предпринять для преодоления кризиса и сохранения собственной культуры. Один из самых известных респондентов стал Жан-Жак Руссо, который прямо им отписал, мол, независимость вы все равно потеряете, поэтому советую брать пример с евреев. И дальше он подробно рассказывает, как и что нужно делать, чтобы при отсутствии политической независимости сохранить национальную идентичность, не растворившись в окружающем мире, — пишет, что помогло евреям остаться евреями вопреки всему. Об этом трактате мало кто знает (тем более, что Руссо считают антиеврейским автором), но на польских магнатов он произвел впечатление.

В украинском обществе эти тенденции проявляются только сегодня, когда многие заговорили о схожести вызовов, стоявших в разное время перед украинцами и евреями, и опыте Израиля, который ставят в пример как позитивную модель государственного строительства. Но эта общность носит уже иной характер, поскольку речь идет не о потере независимости, а, наоборот, ее обретении.

Беседовал Михаил Гольд